

Павел Шаров

Тень солдата

1.

Не сыщешь больше в этом мире
 страны четыреста четыре.
 А там родился, жил и рос
 великоросс, и малоросс,
 и белорус—три русских брата.
 Но сожжена родная хата.
 Семья погублена. Один
 стою, доживший до седин,
 а степь бескрайна, небо низко.
 Нет ни Креста, ни Обелиска.
 Враг обложил со всех сторон.
 О, где вы, витязи времён
 минувших? Встаньте! Труд ваш ратный,
 и добрый конь, и меч булатный
 сослужат службу нам. И мы—
 плечо к плечу—на Царство Тьмы
 обрушим гнев наш, Боже правый,
 покрыв себя бессмертной славой.

2.

Зло искуплено будет вполне,
 Рейн вернётся в свои берега.
 Проплывёт по волнам труп врага.
 Ну а ты—вспоминай обо мне.

Когда в небе вечернем звезда
 льёт на грешную землю лучи,
 вспоминай обо мне—и молчи,
 чтоб никто не узнал никогда,

что тебе лишь сказать я посмел.
 Я в изгибах пространства увяз.
 Я теперь—искорёженный вяз,
 но внезапно умолк артобстрел.

Быть эоловой арфой не мне—
 мои сучья-обрубки скрипят,
 я дрожу от макушки до пят.
 Я солдат. Я погиб на войне.

3.

Двадцать четыре. Лютый.
 Вот уже год, как война.
 Что ж вы? Опомнитесь, люди!
 Или не ваша вина

в том, что мир русский—на плахе,
 в люльке потух уголёк,
 вылезли немцы и ляхи,
 в зареве юго-восток?
 Гвардия из Краснодона—
 где ты? Мы сердцем с тобой.
 Чтобы враги с небосклона
 Солнце не свергли—на бой
 мы выступаем. Отныне
 нет вам пощады. Ведь вы
 предали наши святыни,
 вас развели на мякине,
 вашими трупами рвы
 доверху полны, до края.
 ...Остовы выжженных хат...

Выплатит очи Украина,
 в чёрный закутана плат.

4.

Сумерки—точно чай.
 Выпей—уйдёт печаль.
 Помни, мой друг, о прошлом,
 а о грядущем—ни-ни!
 Сколько налипло к подошвам
 за минувшие дни—
 невпроворот... Гром грянул—
 значит, креститься пора.
 Вот я на жизнь свою глянул—
 нет ни кола ни двора,
 рухлядь ненужная... Родина—
 вечна только она.
 Неисповедима, не пройдена.
 И не достигнешь дна,
 сколь глубину ни выпытывай—
 что там? Не Китеж-град?

...Ныне стальными копытами
 лезет на Родину Ад.
 Каин, убивший брата,
 орды твои, как встарь,
 сгинут. О гул набата!
 Громче ударь, звонарь!

5.

Говорят, мы доели последних ежей
и беднее ободранной липки,
а грядущая ночь будет «Ночью ножей»,
ну а хрен доигрался на скрипке.

Это кто же Россию уделал, как Бог
черепаха? Аморфная масса.
Ничего здесь не будет—лишь чертополох
да похлёбка из хлеба и кваса.

Говорят, что мы Мордор и места среди
стран нам нет, мы проклятые орки.
...Выйди в чистое поле, на небо гляди,
на луга, перелески, пригорки—

это Русью зовётся,—её с молоком
материнским впитав, нога в ногу
мы уходим на небо бессмертным полком,
на поверку на вечную к Богу.

6.

Не спишь. И детская кроватка.
И тусклое мерцанье звёзд.
Планета плачет, как солдатка.
Свист пуль. И ширится погост.

А эта жизнь—игра без правил.
И человека человек
уничтожает: Каин—Авель.
И ныне, в двадцать первый век,

как при Адаме и при Еве,
родную проливает кровь
родная кровь... Пусть еле-еле,
но всё же теплится Любовь,

горит спасительной лампадкой
во тьме эпох, во мраке войн.
Земле не вечно быть солдаткой.
Земле не сделаться вдовой.

7.

Земле—земное, душу—Богу
отдать, на свет шагнуть из тьмы.
Поодиночке на дорогу
выходим. Путь кремнист. А мы—

мы сотканы из звёздной пыли
и станем ей в конце концов,
как и до нас здесь жили-были.
Тех поколений праотцов

не счесть—и все ушли. А знака
нет никакого: как вы? Где?
Скрипят созвездья зодиака—
звезда... звездой... о звезде.

В конце, как и в начале, Слово.
И Рай в душе у нас, и Ад.
И снова вопрошаем, снова:
«Что скажешь, Каин? Где твой брат?»

8.

Сейчас Россия на Голгофе.
но будет Воскресенье—так
судил Господь. А катастрофе—
нет, не бывать. И ты, наш враг,

покайся, или будет поздно—
безвестно сгинешь, как все те,
кто только выглядели грозно.
Сейчас Россия на Кресте.

Но между нами Бог распятый,
и мы воскреснем, как и Он.
Навис над вами час расплаты.
Над нами же—пасхальный звон.

9.

Что я знаю о жизни? Немного—
что у дома четыре стены,
отведён красный угол для Бога.
И огромное чувство вины—

это то, что я твёрдо усвоил.
Что я знаю? Что жизнь—не игра.
Джек построил, а я не построил
дом, в котором четыре угла.

Но душа—пятый угол. Заснежен
город-призрак. Незримый Христос
отправляется в люди—безгрешен,
беззащитен, и наг он, и бос.

Только в каждом живёт Инквизитор—
пусть Любовь всё искупит сполна,
мы готовы к формальным визитам,
но к Пришествию—нет! Чья вина,

что Любви, о которой апостол
говорил, мы не вынесем? В нас
нет такого начала, мы просто
разделились: вот эти за нас,

а вот эти—враги. Как завьюжен
город-призрак. Ты слышишь, Господь?
Уходи! Ты нам больше не нужен.
В кровь Твою претворится и плоть

хлеб с вином—мы поклонимся Чаше.
Это Таинство—просто обряд.
Потому что есть «наши» и «ваши».
И не души—лишь свечи горят

пред иконою, где Богоматерь
Семистрельная, глядя на нас,
тихо плачет и слышит: «Имать их,
бо раскольники!..» Слышится Глас,

Глас Шестый... Что я знаю? Что смертен.
Что я тлею, дымлю без огня.
Что грехами насажен на вертел.
Всё страшнее мне день ото дня—

я напрасно ищу пятый угол
в непостроенном доме. В живых
как остаться? Как жить среди кукол,
среди этих фигур восковых?

10.

А что в этом мире не ящик Пандоры?
В людских головах—ядовитые споры,
мутится наш разум. Куда от безумья
бежать? В голове несмолкаемый зуммер
гудит. Как изгнать эти мысли-трихины?
Как вырваться из мировой паутины,
где в центре Паук, мы—безвольные жертвы?
Нас всех перемелет убийственный жернов.

А что в этом мире? Хорошего мало.
Но раму по-прежнему вымоет мама,
и день впереди бесконечный, а лето—
как целая жизнь. И не спишь до рассвета,
мечтаешь о будущем... Мог ли ты разве
представить такое, что мир этот язве
гниющей вдруг станет подобен и кровью
он будет сочиться, что Смерть к изголовью
придёт и усядется тихо под вечер
у детской кровати—как будто ей нечем
другим пожить?

Так было от века:

война—человек убивать человека
уходит на фронт, он мужчина, он призван.
Другой—это враг, он нам виден сквозь призму
прицела, и вот—либо нас, либо мы их.
Какой-то у Времени дьявольский вывих,
не вправить никак—ампутировать надо,
чтоб сгнула нечисть в расщелинах Ада.

11.

Что плакать о погибшей Атлантиде?
Я помню её песни. Я там жил.
И вот теперь, последний старожил,
сам на себя я в горестной обиде—
не перекинуть мне волшебный мост
меж тем и этим светом. Что посеешь,
то и пожнёшь. А ты—во что ты веришь?
Я верю в предков—вот они до звёзд

сумели дотянуться. Ну а мы
друг друга убиваем на обломках
страны атлантов—о таких потомках,
чьи скорбные помрачены умы,
жалеют предки—те, кто средь держав
не допустил фатального позора,
планету эту, яблоко раздора,
в своих ладонях чудом удержав.

12.

О чём трещат несносные сороки?
О том, что по всему выходят сроки:
ноябрь, предзимье—это время скорби.
Пошарь рукой в дырявой жизни торбе,
найди на чёрный день хотя бы пару
незалежалых стрוף. Возьми гитару,
спой про весну на улице Заречной.
Ты сам-то кто? Чудак. Сверчок запечный.
А в мире—гул снарядов и бомбёжки.
Ты цедишь свой настой по чайной ложке,
в нём ненависть замешана с любовью.
Но кровь смывают только вражьей кровью—
таков закон, и без войны нет мира.
И пусть моя заржавленная лира
не будет петь фальшиво и с надрывом.
И пусть разрыв сменяется разрывом—
мы победим во имя наших павших,
не траки танков—плуг пройдёт по пашням,
меч перекован будет на орало.
Мы победим во что бы то ни стало.

13.

...Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону...
Мы сдали Херсон и ушли в оборону.
Что скажет теперь нам матрос Железняк?
Что десять гранат не пустяк?

Пустяк не пустяк—мы росли в левый берег.
Меж нами и ними Дніпро, а не ерик.
В эфире слышна чужеземная речь.
Что скажет теперь Запорожская Сечь?

Помогут ли, сынку, проклятые ляхи?
А сколько голов вы сложили на плахе—
забыли? А Днепр—он всё помнит, и гнев
обрушит на вас, от стыда почернев.

Героев своих не забудет Отчизна.
А вы—не по вам поминальная гризна.
Мы русские люди—москаль и хохол,
мы в детстве держались за общий подол.

Меж нами не Днепр—как ревьёт он и стонет!—
а крови река—в ней и братство потонет.
Мы русские люди—хохол и москаль,
мы братья, которым друг друга не жаль.

14.

О чём мы плачем? Во что мы верим?
И что мы любим?... Уж лучше зверем
лесным обхаживать свои тропы,
не знать ни Азии, ни Европы,
не знать ни Африки, ни Америки,
а просто выйти с утра на берег,

напиться вдосталь и, морду в небо
закинув, рыкнуть!.. А мы от гнева
уже готовы стереть друг друга
с лица планеты... Скажи, зверюга,
ну что ты знаешь такое, что мы
понять не можем? Готовим тонны
боеприпасов—для истребления
себе подобных. А искупленья
людских пороков, людской гордыни—
его покамест и нет в помине!

Не зверь лесной я, покрытый шерстью,
и на окраине, по предместью
иду, а звёзд—не окинешь оком.
Весь этот мир, сотворённый Богом,—
все звери в чащах, все птицы в рощах—
он так прекрасен! А мы всё ропщем,
а мы всё требуем: мало! мало!
И Землю тянем, как одеяло,
всяк на себя, не взыскав Града
Небесного, а земли нам надо,
чтобы укрыться от всех сражений,—
любому хватит и трёх саженьей.

15.

Этот дождь нескончаемый, невыносимый,
обложивший всё небо—он нужен на кой?
Этот мир—как бы весь он не стал Хиросимой.
Хорошо бы прижаться к подушке щекой

и уснуть, очутившись в придуманном мире,
где ни войн, ни убийств—только всё это бред!
Мир—как загнанный конь, он весь в пене и в мыле,
но выносит пока. А навстречу—Конь Блед,

на нём всадником Смерть... И в холодном поту ты
вдруг проснёшься, а там—то ли дождь, то ли снег,
то ли «смерч», то ли «град». И в такие минуты
тебе стыдно за то, что и ты человек.

16.

И. Китовой

Ни мира, ни спокойствия, Эйрена.
Очаг домашний разворошен—мы
напряжены, нам чудится измена.
И в сумрачном преддверии зимы
нам холод заползает в души, Ира,
и гложет изнутри сомненья червь:
дождёмся ли спокойствия и мира?
И бесполезно спрашивать: «Зачем?»

Такой нам выпал жребий... А мир сужен
до щёлочки дверной—а что за ней
нас поджидает? И кому ты нужен
в огне, в чаду междоусобных дней?

17.

Мой дед, погибший в Латвии в сорок четвёртом,
мой дед, огнемётчик, каково тебе было
за столько вёрст от родимого дома,
где осталась жена, шесть сыновей и дочь?

В две тысячи двадцать втором я дышу морозным, но спёртым
воздухом декабря, моя кровь ничего не забыла,
это я кончаюсь от ран, и — снова-здорово —
в катафалк запрягают кобылу-ночь.

Мы русские люди, мы мирные люди, только не надо
тревожить берлогу медведя — очнувшись от спячки,
он вас разорвёт — пропадёте без вести,
не будет у вас могилы, так и сгинете без следа.

Великая Русская смута, а вы-то надеетесь: мол, моя хата
с краю, — псы, от хозяев ждёте подачки.
А мы за победным столом соберёмся все вместе —
прадеды, деды, отцы, сыновья — не разлей вода!

Мой дед, в декабре погибший, ты был меня младше на семь
лет. А я бы в сорок три года не справился с огнём.
Как на себе эту дуру таскать и метать по фашистам пламя,
выжигать, выкуривать их из нор?

Пуškai ты однажды споткнулся и пал, простреленный, наземь...
Латвия — где она, эта Латвия? Каким-то гнилым болотом
стала страна, у которой отшибло память.
А пламя — горит в моём сердце с тех давних пор.

18.

Когда бы не столбы печного дыма,
давно б на землю рухнул небосвод.
А ты — молчи, воды набравши в рот,
ведь жизнь настолько неисповедима,

что, вставши утром, ты не можешь знать,
каким он будет, вечер. И об этом —
будь графоманом ты или поэтом —
умнее будет просто промолчать.

Январь, мороз, а кажется, весной
уже пахнуло, но зима не дремлет,
и ветер клубы дыма жадно треплет.
Ты сам себя обходишь стороной.

Ты знаешь, что виновен. Только в чём —
ты объяснить не можешь, не умеешь.
Аника-воин, ты не уцелеешь,
стремясь душой за солнечным лучом.

19.

Снег лежит на асфальте усталом,
но не саваном, а покрывалом.
Вечереет. Сгущается сумрак.
Помнишь песню про детский рисунок —
чтобы солнце, и небо, и мама —
они были всегда, как и он?
Те слова повторяю упрямо,
потому что поставлен на кон

целый мир, и в запасе планеты
нет другой. Тот мальчишка — ну где ты?
Ты давно уже седобородый.
Сколько душу свою ни уродуй
и в какой ни погрузишься сумрак —
вспомни песню про детский рисунок,
вспомни солнце, и небо, и маму,
и мальчишку — пусть будут всегда!
...То не снег, а небесную манну
озаряет лучами звезда.

20.

А ночью ты бродишь по лесу, богатому дичью,
звериную речь понимаешь ты ясно и птичью.

С утра просыпаешься — хочется выкурить трубку
желанного мира, но видишь войны мясорубку.

И ярость бессильна твоя: ну какой же ты воин?
И деда, на фронте погибшего, ты недостойн.

И все твои предки — им стыдно, наверно, и горько.
...А там, в твоём сне, занималась волшебная зорька.

И мир просветлённый, где лев и ягнёнок на равных.
Живая вода — да, она исцеляет все раны.

И кто бы когда ни родился — он жив и поныне.
Ни смерти, ни времени нет в том лесу и в помине.

21.

Апрель юн и свят, а ты грешен.
Уже не осталось скворешен,
что ты мастерил. И деревья
исчезли, где были скворешни.
Но ты не такой уж и древний,
а воздух по-прежнему вешний.
Дыши полной грудью. Пусть время —
минута вослед за минутой —
уходит, но ты ведь Иудой
не станешь за бочку варенья,
корзину печенья. . . Не эти,
так те предадут. А на свете
бушует весна. Взять шинели,
пойти по домам — нет, не выйдет.
Ведь мы — всей страной — на прицеле.
Но Бог, он не фраер — всё видит.
Шатаюсь без дела, как пьяный.
Возьму инструмент — деревянный
домишко построю — пернатых
гостей дожидаться. Они ведь
вернутся в родные пенаты.
Скворцы! Я устал ненавидеть.

22.

...Мне больше не являлась тень солдата,
но я хочу увидеть светлый день,
когда война, где брат пошёл на брата,
закончится, и пепел деревень

развеет ветер правды и свободы,
и, павших помянув, мы рукава
засучим (а работы нам на годы),
и ни к чему здесь громкие слова.

Обуглена земля от «Солнцепёков»,
но выжила, и травы встали в рост,
и жаворонок — высоко-высоко,
а ночь сойдёт — рукой достать до звёзд.

Здесь, на земле, зеркально отраженье
небесной битвы, где Архистратиг
архангел Михаил ведёт сраженье
длиною в вечность. Ну а жизни миг —

как искры всполох. Остаётся память
в людских сердцах, из века длится в век.
Огонь души. Самосожженье пламя.
И призван Богом каждый человек.

23.

За сродников наших, живых и усопших,
помолимся. Каждый пусть — мелкая сошка,
но в нас — сквозь столетья — вся тяга земная,
скрижали Завета и кручи Синая.

За воинство наше — а сколько их, павших? —
помолимся, братья и сестры. На пашнях
дымится земля, и рычат «Леопарды»,
но кривде вовек не сломить нашей правды.

За Родину нашу — от Буга до Бога —
помолимся. Будет нелёгкой дорога.
Пройти предстоит через ад нам кромешный,
чтоб к свету пробиться. И азь многогрешный

что вижу? Я вижу, как темень нависла,
как чёрными стали и Волга, и Висла,
а Днепр — это Лета. Испивших забвенья,
утративших память — уже поколенья.

За Родину нашу, в былом и в грядущем,
помолимся и поклянёмся всем сущим —
пусть машут крылами безумные войны, —
что памяти предков мы будем достойны.